

ПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Автор: О. Н. ЯНИЦКИЙ

Статья 1. В поисках нормальной модели

Сегодня лабораторно чистое знание - фикция. Всякая научная дисциплина имеет свою социально-политическую и культурную инфраструктуру, а производство знания опосредуется интересами групп, организаций и институтов. Современное социально-экологическое знание как знание о состоянии среды обитания, ее динамике, рисках и конфликтах - не исключение. Его производство есть одновременно процесс и структура, произрастающие на почве борьбы двух доминирующих взглядов на мир и, соответственно, двух парадигм: утилитаристской (потребительской) и охранительной (воспроизводственной). Сегодня потребность в этом знании все более стимулируется рискогенной природой общественного производства. "Охрана", "защита", "спасательные работы" - все эти направления современной научной и практической деятельности порождены именно растущими масштабами угнетения социальной и природной среды. Иными словами, в теоретическом пространстве предлагаемая ниже модель производства социально-экологического знания ближе всего к парадигме общества риска, утверждающей, что риск имманентно присущ любой форме человеческой деятельности [Beck, 1992; 1999; Яницкий, 2003].

Исходя из представления о науке как о постоянно развивающемся и обновляющемся предприятии, основанном на способности к критике и пересмотру собственных убеждений, я не считаю нормой сложившуюся вертикальную систему "власть-наука-решение-исполнение" и постараюсь эксплицировать более демократическую и культурно ориентированную модель рассматриваемого производства. Я понимаю нормальную модель данного производства не в куновском смысле как наведение учеными порядка в ходе своей научной деятельности на основе единого "образца" - парадигмы [Кун, 1975, с. 44 - 45], но как борьбу социальных сил, придерживающихся двух названных парадигм с целью выявления возможно более полной, всеобъемлющей структуры данного производства. То есть главное в моем понимании нормы - это "процессуальный" характер данного производства, борьба интересов вовлеченных в него сторон и его совокупный результат.

Технологически, "нормальное" социально-экологическое знание означает, как минимум, вовремя полученное, адекватное данной (локальной) ситуации или конфликту, практически реализуемое и соответствующее культуре вовлеченного в него населения. В этом смысле можно говорить о нормальности, то есть о некотором образце, идеале, к которому должны стремиться участники данного производства. Наконец, его нормаль-

Я н и ц к и й Олег Николаевич - доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

ность я понимаю как двуединость его целей: достижение истины и пользы. Сказанное отнюдь не означает, что современная "переходная" фаза данного производства не имеет своей нормы. Поскольку развитие данного знания следует логике движения предмета, следует остановиться на их исторической динамике и сущностных характеристиках.

Историческая динамика

Развитие социальной экологии в XX в. было связано с динамикой конфликта двух общественных практик. Одна - индустриализация и урбанизация, потребовавшие от социологии разработки теорий перехода от "сообщества" к "обществу". Другая - практика защиты от последствий этих процессов. Понятие риска не употреблялось, но ученые постоянно оперировали такими терминами, как вред, опасность, истощение, невозможные потери. Замечу, что научно-практический институт охраны природы создавался в России и за рубежом по инициативе ученых. Начавшись с создания национальных парков и других природных резерватов в культурно-эстетических и научных целях, он постепенно трансформировался в разветвленную систему государственных и общественных организаций. В России исходной социально-научной задачей стало создание эталонов нетронутой природы (заповедников). Ее идеологами и разработчиками были представители естественнонаучной и гуманитарной интеллигенции - Д. Анучин, И. Бородин, В. Докучаев. Так или иначе, зарождение социальной экологии как дисциплины тесно связано со становлением "первого модерна". Как самостоятельная социологическая дисциплина социальная (человеческая) экология возникла и развивалась в течение 1920 - 1950-х гг. чикагской школой городской экологии [McKenzie, 1937; Park, 1936; Park, Burgess, 1925].

Историко-социологические исследования свидетельствуют, что термин "экология человека" был введен в оборот естественных и социальных наук практически одновременно [Studies... 1961]. Иными словами, на определенном этапе модернизации общества потребовался такой научный конструкт, как "экология", теоретически осмысливающий отношения субъекта и среды. Отсюда пошли две расходящиеся линии анализа: одна, антропологическая, сфокусировалась на внутренней жизни территориальных, прежде всего традиционных, сообществ. Другая, собственно социологическая - на переходе от сообщества к обществу в ходе модернизации и урбанизации. Интересно, что человеческая экология, положив во многом начало развитию социологии как науки вообще, затем надолго была отодвинута на периферию социологической мысли вследствие принятия дюркгеймовского постулата об автономии социальной реальности [Гофман, 2000]. Только на рубеже 1980-х гг. американскими социологами У. Каттоном и Р. Данлэпом была предложена Новая экологическая парадигма, признающая за природой значение социально значимой силы [Catton, Dunlap, 1978; 1980]. Тем не менее "вертикальная" модель (наука-практике) продолжала господствовать почти на всем протяжении XX в. Она развивалась в двух направлениях: инструментально-рациональном (рациональное использование ресурсов, борьба с социальной патологией, адаптация к городскому образу жизни) и ценностно-рациональном (конструирование городских утопий, оптимальных моделей городских сообществ).

Основой такого господства и в СССР, и в мире была государственная политика, ставившая перед наукой сугубо практические цели. В противоборстве консервационистов и утилитаристов всегда побеждали последние. Характерный факт советской истории: до середины 1930-х гг. охрана природы (вместе с памятниками природы и культуры) в РСФСР/СССР была подведомственна Наркомпросу, то есть институту науки и просвещения, но в конечном счете была передана в Наркомзем и другие хозяйствующие организации. Утилитаризм "природный", то есть отношение к природе как к источнику ресурсов, шел рука об руку с утилитаризмом социальным, отрицающим культуру и жизненный уклад прошлого и рассматривающим человека только как "материал" для социалистического строительства. С моей точки зрения, первым российским экосоциологом был П. Сорокин, который одновременно вскрыл утилитаристский, сугубо ресурс-

ный подход большевиков к человеческим сообществам и эмпирически продемонстрировал воздействие несоциальных фактов на человеческое поведение [Сорокин, 2003].

Отмечу еще несколько исторически существенных моментов. Первый - связь социально-экологических концепций с идеологией. "Города-сады" в Англии и царской России, "Зеленый город", "Экополис" и Кедроград в СССР - все это попытки практической реализации идеологических доктрин. Как реформистских, так и революционных. Но и все проекты советской эпохи, начиная с Волго-Балтайского канала, через "Сталинский план преобразования природы" и покорение целины и вплоть до проекта переброски части стока сибирских рек на юг и восток СССР в 1980-х гг. были идеологическими проектами, отрицавшими проблему риска. Так что идеологический конструктивизм исторически был долго присущ данной дисциплине.

Второй - это религиозная и культурная основа рассматриваемой дисциплины. Роль христианской доктрины в нарастании экологического кризиса проанализирована Л. Уайтом [White, 1967]. М. Дуглас и А. Вильдавски говорили, что выбор стратегии ответа на риск зависит от ценностей и убеждений, конкурирующих в обществе. Риск - "совместный продукт знания о нем и согласия относительно наиболее желаемых перспектив". Отсюда - культурная теория восприятия риска "рассматривает социальную среду, принципы выбора и воспринимающий субъект как единую систему" [Douglas, Wildavsky, 1982, p. 6 - 8]. Создатель концепции социоестественной истории общества Э. Кульпин полагает, что ключом к пониманию динамики российского экологического кризиса является тип ментальности россиян, причем принципиальное значение имеет местная практика, повседневная жизнь людей с их нормами и ценностями [Кульпин, 2005]. Жизнь, которая даже в самые суровые времена не подчинялась полностью диктату сверху. Другими словами, речь идет о *локальном понимании и знании*, основанных на личном опыте, верованиях и формах жизненного (не обязательно традиционного) уклада как существенных компонентах социально-экологического знания. Таким образом, венаучное знание играет существенную роль в его производстве.

К этому же выводу мы приходим со стороны социальной. Войны и другие социальные катастрофы, равно как и тоталитарные режимы, неблагоприятны для развития устойчивых природных и человеческих сообществ, они способствовали консервации "вертикальной" модели рассматриваемого производства. К ее постепенному вытеснению эгалитаристской (партнерской) моделью привел ряд исторических и собственно научных факторов: массовое жилищное строительство, рост обеспокоенности населения состоянием среды непосредственного обитания, социальная критика ценностных оснований индустриального общества, развитие психологических и культурологических интерпретаций восприятия риска и др.

С развитием демократии население получил право не только на информацию относительно состояния среды обитания, но и на участие в принятии экологических решений. Такое право было завоевано в результате социальной критики и общественной практики, носителями которых стали экологическое, женское и другие новые общественные движения. Их политическая и культурная активность поставила в повестку дня вопрос о смене научных парадигм не только в социальной экологии, но и в "большой социологии". Академическая наука теперь уже не могла только изучать и просвещать, но также должна была учиться у неакадемических акторов.

Два исторически взаимосвязанных сдвига представляются сегодня определяющими. Один - постепенная глобализация социально-экономической практики, в сердцевине которой находятся риск и неопределенность в отношении больших и малых экосистем. Рискология как наука о катастрофах, то есть о "внезапных" сломах социобиотехнических систем, или длинных волнах их необратимых трансформаций, становятся осью социально-экологического познания. Остро встал вопрос о судьбе локальных сообществ и соотношении экспертного и локального знания [Wynne, 1996]. Другой сдвиг - переход от "вертикальной" модели познания к общественно-научной, диалогической. Соответственно, как говорил Б. Латур, наметился переход от культуры "науки" к культуре "исследования": "Наука есть определенность, исследование - неопределенность. Наука ви-

дится холодной, прямолинейной и отстраненной; исследование - теплым, вовлеченным и рискованным. Наука кладет конец человеческим разногласиям - исследование порождает контрверзы" [Latour, 1998, p. 208 - 209].

О специфике предмета исследования

Итак, предмет социально-экологического исследования *всегда междисциплинарен*, поскольку его объектом являются социобиотехнические системы. Он также проблематичен, противоречив, поскольку социальные субъекты (индивиды, группы сообщества), взаимодействуя со сложносоставной и разнокачественной средой, сами являются средой для других акторов. Действительно, социальные субъекты постоянно ставят внутренне противоречивые цели: максимизировать использование ресурсов среды и сохранить устойчивость и производительность экосистем, получать отдачу от человеческого капитала и - создать среду для его расширенного воспроизводства. Конфликт развития и сохранения, производства и воспроизводства, глобального и локального, отрасли и территории, потока и места - ключевые проблемы социально-экологического исследования.

Системы, о которых идет речь, есть одновременно образования, сформировавшиеся эволюционным путем, и социальные конструкции, результаты целенаправленных действий человека [Кульпин, 1992; Hannigan, 1995]. Соотношение эволюционных и конструктивных факторов, конституирующих конкретную среду, может быть различным: начиная от природных экосистем, включая саму биосферу, законы функционирования которых сложились в ходе длительной эволюции космоса, и до урбанизированных ареалов и других, созданных мыслью и руками человека искусственных структур, требующих постоянного поддержания, воспроизводства. Исторически конструирование постепенно берет верх над эволюцией. Поэтому соотношение этих двух разнонаправленных форм социальной активности входит в сферу интересов рассматриваемой отрасли знания.

Далее, поскольку риски целенаправленного воздействия актора на среду, скажем, извлечения некоторого ресурса, а также сброса в нее техногенных отходов и "лишних людей" (З. Бауман) возвращаются, как правило, совсем не ему, а другим акторам, средам и обществу в целом в виде "средовой отдачи", то есть плохо предсказуемого по сути и времени и трудноустраняемого среднего "действия", экосociология призвана исследовать не столько каузальные цепи, сколько вероятностные средовые эффекты или, по терминологии У. Бека, "эффекты бумеранга".

Более того, речь идет не только об изучении "средовой отдачи", даже самой отдаленной. С моей точки зрения, правомерно говорить о "*средовой субъекте*", имеющем свои закономерности и структуры поведения, как о предмете *социально-экологического* анализа. Который особенно трудно идентифицируется, поскольку большинство мыслимых процессов и ситуаций сегодня так или иначе глобально детерминировано. Например, понятие несущей способности среды означает не только уровень предельной нагрузки на нее, но и то, что "слом" ее устойчивости означает выделение энергии распада, то есть удар по находящимся в ней субъектам и институтам. Даже если мы интересуемся социальными последствиями только природных явлений (засух, наводнений, ураганов), то они сегодня в большей или меньшей степени уже социализированы или просто представляют собой социальные конструируемые, например, результаты чрезмерной мелиорации или глобального потепления.

Когда главным источником рискогенного воздействия на среду являются наука и технологии, подчиненные потребительской идеологии, а главным "потребителем" экологических рисков - население, общество превращается, по словам Бека, в испытательную лабораторию. "[А]томные реакторы должны быть построены, сконструированные биотехнологиями искусственные существа должны быть *внесены в среду обитания*, новые химические вещества начинают в ней *циркулировать* - и все это до *того*, как их качества, безопасность и долговременные последствия будут изучены" [Beck, 1995, p. 104]. Следовательно, предметом эcosociологии должны быть также акторы и инсти-

туты, противостоящие такой трансформации. Здесь - стык социологии и политики. Сегодня одним из таких авторов должно быть само социологическое сообщество. Помимо своей аналитической и критической функций, оно должно участвовать в поддержании устойчивости социобиотехнических систем, помогать населению в отстаивании его права на здоровую и безопасную окружающую среду [Яницкий, 2004].

Это тянет за собой множество вопросов. Каким образом социологический анализ встроен в систему регулирования отношений общества и среды? Какова роль социолога: внешнего наблюдателя или участника социально-экологического конфликта? Каковы возможности и пределы вовлечения непрофессионалов (людей улицы) в собственно исследовательский процесс? То есть изучение всего того, что Н. Луман назвал наблюдением второго порядка [Luhmann, 1993, p. 21].

Наконец, поскольку объекты данной дисциплины сложносоставные и разнокачественные, чтобы изучать их, экосоциологи должны уметь *социально интерпретировать* биологические, физические и иные несоциальные явления и процессы. Значит, они должны быть минимально профессионально осведомленными в естественнонаучных областях знания, в особенности, если сама постановка экологической проблемы может исходить от естественных наук. Например, каковы социальные предпосылки сохранения биоразнообразия? и как социально интерпретировать потери здоровья от радиации, химического поражения? и т. п.

Эпистемология

Эпистемология рассматриваемой дисциплины как понимание отношения к реальности, совокупность всеобщих предпосылок познавательного процесса и условия его достоверности зависит от доминирующего взгляда на мир социального аналитика. Как мы видели, исторически обозначились два противоположных подхода. На одном полюсе - "объектное" понимание предмета исследования, где среда есть объект изучения с целью последующего управления ею, выявления ее несущей способности в отношении рисков и т. д. На другом "субъектное" понимание предмета, то есть интерпретация среды как живого организма, не только следующего регулятивным воздействиям "сверху", но имеющего свои специфические закономерности функционирования, свой голос, свои права и возможности их отстаивать. Первый представляет собой позитивистский, второй - постпозитивистский подходы. В основе первого лежит универсалистская модель (парадигма) познания, в основе второго - средовая, то есть качественная и контекстуальная.

Позитивизм как теория познания основан на твердой вере в способность рационального разума контролировать природный и социальный мир. Эта рационалистическая ориентация базируется на эмпирическом измерении, аналитической точности и концепции "системности", составляющих основу доминирующего взгляда на мир позитивистов. Как методологический инструмент он представляет собой логически выверенный, инструментальный и хорошо методически отретированный подход к решению проблем и достижению целей. При таком подходе научный эксперт дистанцируется от реальности, расчленяет ее на части, затем разрабатывает средства для разрешения проблемы "наиболее эффективным", с его точки зрения, способом и, наконец, диктует свою стратегию или тактику. Основным гносеологическим допущением теоретиков позитивизма выступает убеждение, что данный подход и его инструментарий являются единственным надежным средством для получения "конечного" знания и его последующего применения.

Средовой подход - скорее постпозитивный. Его адепты полагают, что реальность существует, но никогда не может быть понята и объяснена полностью по причине множества причинно-следственных связей в среде, равно как и множества социальных значений и социальных оценок конкретных ситуаций, носителями которых являются акторы разного уровня и социальной принадлежности [Fisher, 2003, p. 282]. Поэтому суть средовой парадигмы состоит в переходе от традиционной опоры на отстраненную научную верификацию к контекстуальному, дискурсивному пониманию социального исследова-

ния. С этой точки зрения, социально-экологическое знание понимается как встроенное в контекст времени и социальных обстоятельств.

Как интенция социального познания средовой подход означает стремление понять и реконструировать ту сложную систему взаимодействий формального знания, экспертов, граждан и изменяющегося контекста, складывающуюся в процессах формирования и реализации экологических решений. Данный подход означает замену формальной логики позитивной науки неформальными размышляющими рамками практически ориентированного разума, то есть *рассуждением-в-контексте*. Чувствительность исследователя к частному, локальному и фиксированному во времени - базовые методологические предпосылки [Toulmin, 1990]. То есть социально-экологическое знание ограничено во времени. Средовой подход может быть квалифицирован как неформальная "мягкая" логика с собственными правилами и процедурами, менее зависимая от точных наук, более социально, политически и культурно ориентированная; его принцип: меньше исходных предпосылок - больше всестороннего анализа.

Но если среда - субъектна, то есть является не "массой", не агрегатом атомизированных индивидов, которых следует лишь просвещать и направлять, а совокупностью социальных акторов различного уровня и форм активности, то ошибочно считать, что они оперируют только внутри структуры социального действия, сформированной властвующей элитой и ее экспертами, что внутри этой структуры возможности доступа и использования населением научного знания те же, что и во всем обществе. Утверждение об однородности структуры социального действия отрицает наличие в обществе различных структур власти и влияния и означает "предписывание" только одной из них - в нашем случае вертикальной - населению в качестве "естественной", политически и культурно-санкционированной границы познания и социального действия [Irwin, Wynne, 2003, p. 215].

Эпистемологически субъектность среды имеет тройкий смысл. Во-первых, это означает, что в каждом конкретном случае складывается специфическая конфигурация социальных сил (групп интересов, гражданских инициатив, социальных движений), детерминирующих их ответ на экономические, технологические или средовые риски [Яницкий, 2002; 2003]. Во-вторых, ответ этих сил основан на их специфическом восприятии рисков и знании конкретной ситуации. Иными словами, локальное восприятие/знание, относящееся к специфическому социальному контексту, порождаемое здравым умом, каузальным эмпиризмом или спекулятивным анализом и базирующееся на личном (групповом) опыте и традиции, выступает необходимым источником производства социально-экологического знания. Это восприятие/знание внутренне связано и интерпретируется прежде всего в рамках специфической культуры "места", в котором оно производится. В-третьих, анализ социально-экологических конфликтов - ключевой познавательный инструмент изучения процессов производства социально-экологического знания. Как отмечается, современные научные знания могут быть интерпретированы как некоторые "сборки", полученные в результате напряженного взаимодействия между местными практиками и стремлением конвертировать их в категории глобального или универсального языка [Latour, 1987; Bourdieu, 1977].

В отличие от инструментальной рациональности, присущей позитивизму, средовой подход придает важное значение *культурной рациональности*. В современных условиях, когда институты и практики базируются на "абстрактном" и анонимном экспертном знании, когда уровень манипуляции фактами науки чрезвычайно высок, а предлагаемые населению оценки угроз его здоровью и самой жизни часто сфальсифицированы, оно может опираться только на собственный или групповой опыт и оценивать предлагаемые им решения экологических проблем по критерию доверия. Поэтому *доверие - ключевой момент культурной рациональности*. Доверие, писал Э. Гидденс, есть важная категория современного социокультурного знания, потому что оно является цементом групповой и социальной интеграции [Giddens, 1990, p. 79 - 111].

Вот пример: 25 ноября 2005 г. жители Хабаровска молились в храмах за спасение жизней от угрозы загрязнения нитробензолом реки Амур. И это притом, что все служ-

бы гражданской обороны и по чрезвычайным ситуациям постоянно информировали население о развитии процессов и оказывали практическую помощь. Подобные факты подчеркивают то обстоятельство, что культурная рациональность - не только традиция. Она представляет собой квинтэссенцию опыта общения с современными социальными организациями, ответственными за безопасность. Этот опыт "динамичен" в том смысле, что рядовые граждане постоянно обучаются борьбе с рисками, а также со способами ускользания от ответственности, практикуемыми этими организациями.

Далее. Обычно полагают, что локальные качественные исследования лишь уточняют, детализируют национальные или международные количественные исследования (опросы) большого масштаба. Иными словами, предполагается, что количественное исследование дает общую "черно-белую", но валидную картину, а микрокачественные исследования лишь ее детализируют, "расцвечивают". Для "нормального" социально-экологического подхода *глобальное и локальное суть равноправные* сущности. Локальное разнообразие (мнений, позиций) не есть "украшение" универсализирующих трендов модерна, но место тестирования универсального.

В отличие от представителей позитивной науки, стремящихся к стандартизации подлежащей анализу ситуации, носители локального знания стремятся выявить *максимально возможное разнообразие* условий для производства некоторого конечного продукта. Конкретно на этапе идентификации проблемы лидеры местных сообществ могут поставить диагноз экологической или социальной патологии, указать на их возможные причины и предложить объясняющие гипотезы. На этапе оценки степени риска они могут указать, какие именно социальные связи могут быть полезны или должны быть сохранены для его предупреждения или устранения. Они способны также выявить ресурсы, которые можно мобилизовать для этих целей и дать комплексную оценку местных особенностей. Наконец, чрезвычайно важно знание ими внутренней механики жизни местного сообщества. Такой подход - результат многовековой борьбы человека за овладение разнообразием природных и жизненных ситуаций. "Локальное знание ценно именно потому, что оно открыто ситуациям неопределенности" [Fisher, 2003, p. 216].

Если это так, то по сравнению с позитивистски ориентированным исследователем задача социального эколога на порядок сложнее - он не может удовлетвориться познанием причинно-следственных связей и эмпирическим тестированием гипотез. Тем более, он не может удовлетвориться измерениями "объекта", например характера и степени загрязнения среды. *Социальный эколог должен быть одновременно аутсайдером и инсайдером*. Он должен понять организованный мир значений, который конституирует социальный мир и его нормативную структуру. Ему необходимо войти внутрь конкретной ситуации и понять, как различные участники социального процесса ее воспринимают и интерпретируют в соответствии со своими взглядами и ценностями. Точнее, ему требуется попеременно находиться "внутри" и "вовне" социально-экологического конфликта даже тогда, когда внешне кажется, что это просто очередной "нормальный несчастный случай", скажем, технологическая авария [Petrow, 1984].

В конечном счете исследователь социально-экологических проблем должен социально и этически определиться: где его место - *вверху или внизу социальной иерархии*? Если утверждается, что разнообразие природного и социального мира - залог их устойчивости, если человеческая жизнь самоценна, то низовая (средовая, периферийная) точка зрения является таким местом. Как утверждал М. Фуко, проблемы "маргинального человека", то есть находящегося за пределами основного хода событий, равно как и локальных точек сопротивления социальной системе, являются ключевыми для понимания ее истинной природы [Foucault, 1972]. Иными словами, инвайронменталист должен быть гуманистически и демократически ориентированным исследователем.

Эпистемологически такая ориентация соответствует методу *соучаствующего исследования*, о котором ниже я скажу подробнее. Его корни - методы включенного наблюдения, широко применяемые в социологии социального действия, социальной антропологии, этнографических исследованиях и феноменологической социологии. Хотя одни исследователи предпочитают именовать данный метод соучаствующим исследованием,

а другие - соучаствующим исследованием социального действия, они имеют общую эпистемологическую основу: человеческие существа являются (со)творцами их собственной реальности посредством участия: через личный опыт, воображение, интуицию, мышление и действие (см. например, [Reason, 1994]). Но есть и более глубокие основания для поворота к соучаствующему исследованию: *сходство установок социальных ученых и людей улицы*. "В век высокой модернизации установки простых людей в отношении науки, технологии и других эзотерических форм экспертизы имеют тенденцию проявлять ту же смесь установок уважения и дистанцированности, одобрения и беспокойства, энтузиазма и апатии, которую мы находим в работах философов и социальных аналитиков" [Giddens, 1991, p. 7].

Конструкция производства социально-экологического знания

Сначала - о его характере. Очевидно, что это знание производится многими акторами и во многих "точках" социального пространства. Хотя на первый взгляд представляется, что такими институтами являются наука, образование, политические и правовые институты и СМИ, в действительности все социальные институты и тысячи локальных сообществ с их специфической культурой так или иначе участвуют в производстве социально-экологического знания. Поэтому процесс его производства - *скорее практика, нежели процесс теоретизирования*, а его результат - не столько "факты" объективного измерения, сколько итог договоренностей и консенсуса [Fisher, 2003, p. 105]. Наиболее яркий пример такого консенсуса - понятие социально приемлемого риска, масштаб которого, как показал российский опыт, может колебаться не в процентах, а в порядках "допустимых" величин риска (загрязнения, смертности и т. д.), и наше общество уже в течение 15 лет мирится с тем, что население страны сокращается почти на миллион человек в год. Соответственно, поиск "конечной истины" должен быть заменен дискурсивным (диалогическим) и контекстуальным анализом того, кто, в чьих интересах и каким образом это знание производит.

Структурная основа данного производства - *сеть конкурирующих акторов*. Социально-экологическое знание производится как в "нисходящих", так и в "восходящих" потоках (познание в процессах ответа на давление "сверху", будь то сопротивление унифицирующим рекомендациям официальной науки или политическим решениям). Гражданские инициативы, неправительственные организации, общественные движения - необходимые структурные элементы рассматриваемого производства. К тому же каждый из акторов данного процесса имеет "скрытые модели социального действия" [Irwin, Wyanne, 2003, p. 213]. Это можно интерпретировать как наличие внутренних (самосохранение, ресурсное обеспечение) и внешних (легитимация, общественная идентификация, публичный успех) целей, соотношение между которыми периодически меняется в зависимости от внутренней ситуации и изменения контекста.

Но даже если оставаться в рамках позитивистской модели, то и в этом случае производство данного знания функционирует по принципу "тяги-толкая": сначала - научно-технический прорыв, основанный на лабораторном (точном или естественно-научном) знании, потом - торможение, корректировка этого знания под воздействием реакции потребителей, гражданских инициатив и других местных сил, защищающих себя и среду своего непосредственного обитания. Этот *конфликт между лабораторной и публичной рефлексией* по поводу средовых рисков, между интересами отрасли и территории, между потоком инноваций и устойчивостью "места", между унификацией и разнообразием, то есть между сциентистской и гуманистической ориентациями общества, суть важнейшие механизмы производства социально-экологического знания.

В современных условиях перманентного ускорения производства инноваций, с одной стороны, и чрезвычайной лабильности рынка - с другой, позитивная наука критически не "успевает" не только анализировать, но просто отслеживать скрытые и долговременные последствия реализации своих новшеств. Вовлеченная в рынок, она и не стремится к развитию средового, "защитного" знания. Реальными производителями такого знания

все чаще выступают институты, находящиеся за пределами этой науки, - государственные и гуманитарные организации по ликвидации аварий и катастроф, экологические движения и местные сообщества.

Поэтому сегодня отношение общества к позитивной науке по крайней мере двойственное. С одной стороны, она является причиной многих социальных и экологических бед. Наука, говорит Бек, участвуя в производстве рисков, тем самым создает "тройное" кризисное сознание. Во-первых, промышленное использование достижений науки создает все новые и новые проблемы. Во-вторых, наука предлагает категории и другие познавательные средства для обнаружения рисков. В-третьих, она создает инструменты для преодоления рисков, ею же порожденных [Бек, 1992, р. 156, 163]. Наконец, вовлеченная в рынок наука не может, не успевает не только анализировать, но часто и просто отслеживать долговременные последствия порожденных ею рисков. Но, с другой стороны, к этой науке постоянно апеллируют как к инструменту улучшения экологической ситуации.

Задача выявления сколько-нибудь полной конструкции рассматриваемого производства еще впереди. Обозначу лишь основные оппозиции, лежащие в ее основе. Прежде всего это оппозиция двух социальных парадигм - утилитаристской (потребительской) и охранительной (воспроизводительной). С нею непосредственно связан конфликт позитивистской (универсалистской) и постпозитивистской (контекстуальной) парадигм данного производства и, соответственно, ориентация на инструментальную или культурную рациональность. Далее это противостояние научного истеблишмента (политически ангажированного экспертного сообщества) и критической "периферии" (специалистов-практиков и активистов, занятых охраной среды или, иначе, корпоративно интегрированная наука *versus* общественно-ориентированная, адвокативная). Затем - конфликт научного сообщества, ориентированного на повышение стандартов научности (так называемое сертифицированное знание) и исследовательских сил, нацеленных на выявление контекстуальных механизмов его производства, включая ненаучные источники (верования, традиции, текущий социальный опыт). В совокупности все это порождает размежевание и конфликт между "научной элитой", сросшейся с корпоративно-бюрократической машиной эксплуатации ресурсов, и общественно-научными силами, стремящимися получить комплексное, объемное знание, способствующее развитию институциональной системы воспроизводства и защиты среды.

В заключение о некоторых проблемах, связанных с господством либеральной модели рыночного общества. Опыт индустриально развитых стран свидетельствует, что рыночная ориентация науки вызывает растущую обеспокоенность как в самом академическом сообществе, так и за его пределами. Беспокоит прежде всего "товарность" науки, ее растущее подчинение транснациональным политическим конфликтам (пример - "газовый кризис" 2005 г.), сокращение долгосрочных исследовательских программ, утеря научным сообществом функции генерирования нравственных стандартов. Либерализм как научная политика есть общество, управляемое экспертами. Публичная политика вытесняется экспертизой, в результате гражданское общество отчуждается от процессов принятия экологически значимых решений.

Но и динамика самого рынка имеет существенное влияние. Во-первых, его глобализация требует интернационализации социально-экологических исследований, их большей демократичности. Во-вторых, стремясь к приватизации природы, этого всеобщего блага, крупнейшие агенты глобального рынка (ТНК, олигархические группы) подчиняют всю сложную многоуровневую систему производства данного знания своим интересам. В-третьих, этот рынок, в том числе медийный, задает приоритеты социально-экологических исследований. Поэтому финансовая поддержка и публичный успех исследовательских проектов и целых научных направлений все чаще зависят не от их действительной общественной значимости, а от их политической и медийной "раскрутки".

Рынок сделал позитивизм и его техническую рациональность методологическими предпосылками организации общественного производства. В его основе лежит метод "риск-затраты", то есть сопоставление величины прибыли, ожидаемой от некоторой научно-технической инновации, с расходами на защиту от порождаемых ею негативных

последствий (рисков). Соответственно, в рамках данного подхода социально-экологическое знание есть знание о "последствиях". Иными словами, мы снова имеем дело с "вертикальной" моделью его производства.

Научные программы модернизации разрушают локальное знание, превращают его в "отходы" модерна. Оптимизация массового производства через его стандартизацию есть фактически отрицание культурного разнообразия условий, ситуаций человеческой жизни. Этот процесс также угрожает сохранению социальной и культурной идентичности местного населения. К тому же локальное знание в отличие от научно-технического не может быть запатентовано и, следовательно, не является законным, хотя и повсеместно используется бизнесом, особенно в отраслях химической, фармацевтической и парфюмерной промышленности. Социальным агентом производства становится не сам производитель, а ученый-эксперт. Максимальная рационализация промышленного производства ведет к уничтожению деятельного местного субъекта и, следовательно, отрицанию низовой демократии.

Наконец, современный экологический кризис есть институциональный кризис. Если новые риски не идентифицируются и не прогнозируются без помощи углубленного научного исследования и высокотехнологичного инструментария, возникают напряженность и конфликт между теми, кто имеет доступ к необходимым исследовательским ресурсам, и теми, кто его не имеет. Иными словами, современный экологический кризис укоренен также в существующей системе финансирования науки, в вымывании и разрушении институтов общества, призванных обеспечивать его долговременную экологическую безопасность, а не только ликвидировать аварии и катастрофы. Существующие политические институты, несущие наравне с наукой ответственность за интерпретацию экологических рисков, все менее соответствуют сути и формам современного экологического кризиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии. М., 2000.
- Кульпин Э. С. Социоестественная история: предмет, метод, концепция. М., 1992.
- Кульпин Э. С. Что можно принять за ДНК цивилизации? // Природа и общество в глобализирующемся мире. М., 2005.
- Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
- Сорокин П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003.
- Яницкий О. Н. Диалог науки и общества // Общественные науки и современность. 2004. N 6.
- Яницкий О. Н. Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика). Новосибирск, 2002.
- Яницкий О. Н. Социология риска. М., 2003.
- Beck U. Ecological Enlightenment: Essays on the Politics of the Risk Society. London, 1995.
- Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. London, 1992.
- Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. London, 1977.
- Catton W. R., Jr., Dunlap R. E. A New Ecological Paradigm for Post-Exuberant Sociology // American Behavioral Scientist. 1980. Vol. 24. N 1.
- Catton W. R., Dunlap R. E. Environmental Sociology: A New Paradigm // American Sociologist. 1978. Vol. 13.
- Douglas M., Wildavsky A. B. Risk and Culture: an Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. Berkeley, 1982.
- Fisher Fr. Citizens, Experts, and the Environment. The Politics of Local Knowledge. Durham-London, 2003.
- Foucault M. The Archeology of Knowledge. New York, 1972.
- Giddens A. Consequences of Modernity. London, 1990.
- Giddens A. Modernity and Self-Identity; Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, 1991.
- Hannigan J. A. Environmental Sociology: A Social Constructivist Perspective. London-New York, 1995.

- Irwin A., Wynne B.* Conclusions // Misunderstanding Science? The Public Reconstruction of Science and Technology. Cambridge (Mass.), 2003.
- Latour B.* From the World of Science to the World of Research? // Science. 1998. Vol. 280.
- Latour B.* Science in Action. Cambridge (Mass.), 1987.
- Luhmann N.* Risk: A Sociological Theory. New York, 1993.
- McKenzie R.* Social Ecology // The Encyclopedia of Social Sciences. New York. 1937. Vol. 5.
- Park R.* Human Ecology // American Journal of Sociology. 1936. Vol. 42. N 1.
- Park R., Burgess E.* Introduction to the Science of Sociology. Chicago, 1925.
- Perrow Ch.* Normal Accidents: Living with High-risk Technologies. New York, 1984.
- Reason P.* Three Approaches to Participatory Inquiry // Handbook of Qualitative Research. London, 1994. Studies in Human Ecology. Evanston-Elmsford, 1961.
- Toulmin S.* Cosmopolis: The Hidden Agenda of Modernity. Chicago, 1990.
- Touraine A.* Return of the Actor. Social Theory in Postindustrial Society. Minneapolis, 1988.
- Weiner D.* A Little Corner of Freedom. Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev. Berkeley-Los Angeles, 1999.
- Weiner D.* Models of Nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia. Bloomington, 1988.
- White L., Jr.* The Historical Roots of Our Ecological Crisis // Science. 1967. Vol. 155.
- Wynne B.* May the Sheep Safely Graze? A Reflexive View of the Expert-Lay Knowledge Divide // Risk, Environment and Modernity: Toward a New Ecology. Newbury Park, 1996.